

ORCID

UDK

**СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯПОНСКИХ
ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ 気にする и 気になる В СРАВНЕНИИ С
УЗБЕКСКИМИ ЭКВИВАЛЕНТАМИ**

Усмонова Фотима

Магистрантка 2 курса факультета восточных языков Узбекского государственного университета мировых языков, специализация: японская филология.

Научный руководитель: Ибрагимова М.М.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры японской филологии Узбекского государственного университета мировых языков.

Контактная информация :

+998 99 856 50 07

E-mail: fotima.usmonova@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается семантико-прагматический анализ японских глагольных конструкций 気にする и 気になる в сопоставлении с их возможными узбекскими эквивалентами. Исследование направлено на выявление семантических оттенков, различий в степени осознанности эмоций, а также культурно-прагматических факторов, влияющих на употребление указанных конструкций. Сравнительный подход позволил показать, что в узбекском языке отсутствуют прямые соответствия, и в ряде случаев перевод требует контекстуальной интерпретации. Полученные результаты важны для разработки учебно-методических материалов, двуязычных словарей и практики перевода с японского языка на узбекский.

Ключевые слова: японский язык, узбекский язык, глагольные конструкции, 気にする, 気になる, семантика, прагматика, межъязыковой анализ, перевод.

ANNOTATSIYA

Ushbu maqolada yapon tilidagi 気にする va 気になる fe'l konstruktsiyalarining o'zbek tilidagi ekvivalentlari bilan semantik va pragmatik tahlili yoritilgan. Tadqiqotdan ko'zlangan maqsad – ushbu konstruktsiyalarning ma'no nozikliklarini, emosional ifodaning ixtiyoriyligi darajasini va madaniy konnotatsiyalarini aniqlashdan iborat. Tahlillar shuni ko'rsatadiki, o'zbek tilida

ushbu ifodalarning to'laqonli ekvivalentlari mavjud emas va tarjimada kontekstga bog'liq moslashuv zarur bo'ladi. Olingan natijalar tarjima amaliyoti, lug'at tuzish va o'quv-uslubiy materiallar ishlab chiqishda muhim ahamiyatga ega.

***Kalit so'zlar:** yapon tili, o'zbek tili, fe'l konstruktsiyalari, 気にする, 気になる, semantika, pragmatika, qiyosiy tahlil, tarjima.*

ABSTRACT

This article explores the semantic and pragmatic analysis of the Japanese verbal constructions 気にする and 気になる, comparing them with their possible equivalents in the Uzbek language. The study focuses on identifying nuanced meanings, the degree of emotional intentionality, and cultural-pragmatic factors that influence their usage. The results show that the Uzbek language lacks direct equivalents, and translation often requires contextual adaptation. These findings are significant for developing bilingual dictionaries, translation practices, and educational materials in Japanese language instruction for Uzbek-speaking learners.

***Keywords:** Japanese language, Uzbek language, verbal constructions, 気にする, 気になる, semantics, pragmatics, contrastive analysis, translation*

ВВЕДЕНИЕ

В условиях стремительной глобализации и углубления межкультурных коммуникаций особую значимость приобретает точное понимание и адекватная передача лексико-семантических и прагматических нюансов между языками. Одним из наиболее труднопереводимых аспектов японского языка являются глагольные конструкции с компонентом 気 (ки), в частности — 気にする и 気になる, которые отражают тончайшие оттенки психологических состояний, субъективного восприятия, внутренней озабоченности и социальной чувствительности. Эти конструкции, с одной стороны, широко употребляются в повседневной и формальной речи носителей японского языка, а с другой — практически не имеют прямых эквивалентов в узбекском языке. Поэтому лингвистический анализ их семантико-прагматических характеристик в сопоставлении с узбекскими средствами выражения эмоций и внимания представляется особенно актуальным. Актуальность темы подтверждается и статистическими данными. Согласно отчету Министерства иностранных дел Республики Узбекистан, в 2023 году количество переводческих запросов между японским и узбекским языками увеличилось на 17,4% по сравнению с предыдущим годом. Кроме того, число студентов, изучающих японский язык в Узбекистане, утроилось за период с 2015 по 2023 год, что фиксируется в данных Ташкентского государственного университета востоковедения. Это

указывает на необходимость более глубокой разработки методологии преподавания японского языка с акцентом на трудные для понимания конструкции, включая выражения с 氣. Не менее важным аспектом является то, что ошибки при переводе конструкций 氣にする и 氣になる могут привести к недопониманию, искажению интонации и даже нарушению коммуникативного взаимодействия в межкультурной среде. Особенно это касается текстов, содержащих эмоциональную оценку, внутренние сомнения, заботу или озабоченность, — типичных для японского дискурса.

Целью данной статьи является проведение сопоставительного семантико-прагматического анализа японских глагольных конструкций 氣にする и 氣になる, выявление их узбекских функциональных и смысловых эквивалентов, а также обсуждение культурных и когнитивных факторов, влияющих на их интерпретацию и употребление.

АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

В трудах японских лингвистов (Судзуки Т. [1;59]; Кондо М. [2;45]) подробно рассматривается специфика морфемы 氣 (ки) и её роль в передаче эмоций и внутренних психических состояний носителей японского языка. Отмечается, что данные глагольные конструкции (氣にする / 氣になる) широко охватывают категории «беспокойства», «интереса», «переживания», «заинтересованности» и «внимания к чему-либо или кому-либо» [1;59]. В частности, Судзуки Т. [1;59] указывает на то, что отличие между 氣にする и 氣になる во многом определяется степенью осознанности и контроля, при этом первый вариант (氣にする) предполагает активное волевое участие говорящего, а второй (氣になる) чаще указывает на спонтанное или неконтролируемое волнение. Некоторые авторы (Юаса К. [3;22]; Накамура С. [4;147]) акцентируют внимание на культурно-специфических факторах употребления конструкции 氣: в японской коммуникативной культуре «необременение собеседника» и «соблюдение гармонии отношений» зачастую приводят к тому, что говорящий предпочитает употреблять более смягчённые формы выражения собственного беспокойства. В то же время, при переводе этих конструкций на другие языки (в частности на английский или русский) наблюдается явное смещение или «обеднение» смысловых оттенков [4;147]. Значительный вклад в развитие теории сопоставительной семантики внёс Лиан Дж. (Lian, J.) [5;88], который рассматривает феномен «полисемии» японских глаголов через призму когнитивной лингвистики. Исходя из его концепции, каждая семантическая единица обладает «ядром» и «периферией» значений, причём у конструкций с

気 периферия включает личностно-оценочные оттенки (приставку «беспокоит», «заботит») и социально-коммуникативные (связанные с вежливостью, межличностной дистанцией и т.д.) [5;88].

В рамках научной традиции постсоветского пространства к анализу японской грамматики и семантики неоднократно обращались такие исследователи, как Маслова В. [6;101], Кобзева И. [7;33] и др. Маслова В. [6;101] подчёркивает важность сопоставительного подхода при изучении «эмотивных» конструкций: для носителя русского (или любого другого) языка не всегда очевидно, что «ощущение на душе» (как это описывается в японской лингвокультуре) может иметь множество вариантов выражения в зависимости от степени вовлечённости говорящего. Кобзева И. [7;33], проводя экспериментальные опросы среди русскоговорящих студентов-японистов, выявила, что при переводе 気にする чаще выбираются глаголы «переживать» и «беспокоиться», тогда как для 気になる — «интересоваться» или «волноваться», но при этом возможны наложения и пересечения значений в ряде коммуникативных ситуаций. Особый интерес представляют исследования межкультурной коммуникации (Морев А. [8;59], Самойлов Д. [9;90]), где подчёркивается, что в японском обществе высок уровень «социального контроля эмоций», следовательно, выбор лингвистической формы зависит не только от личных ощущений, но и от предполагаемой реакции собеседника. По этой причине непосредственная транслитерация или подстрочный перевод без учёта культурного контекста могут вызывать недоразумения [9;90].

В узбекской лингвистике проблемам сопоставительного анализа японского и узбекского языков уделяли внимание Назаров Н. [10;77], Ходжаева М. [11;52], а также ряд специалистов по методике преподавания восточных языков. Назаров Н. [10;77] отмечает, что эквиваленты типа «xavotir olmoq», «havotirga tushmoq» («беспокоиться», «волноваться») и «qiziqmoq» («интересоваться») в узбекском языке не всегда точно отражают все нюансы конструкций 気にする и 気になる, так как узбекские глаголы имеют более «двухполюсную» структуру значения (либо положительная эмоция «интереса», либо негативная «озабоченность»). В японском же языке присутствует более гибкая шкала смыслов, где один и тот же глагол может быть использован как в положительном, так и в отрицательном контексте, в зависимости от окружающих лингвистических факторов и интонации [10;77]. Ходжаева М. [11;52], рассматривая вопрос обучения японскому языку в узбекской аудитории, указывает на трудности, которые возникают при объяснении грамматической связки «субъект + 気にする / 気になる + объект» студентам:

поскольку в узбекском языке конструкция «*biror narsa menga ta'sir qildi*» (что-то на меня повлияло) обычно выражается менее формально, студенты часто путают активное (контролируемое) и пассивное (спонтанное) выражения эмоциональных состояний. Также существуют работы по контрастивной лингвистике, в которых уделяется внимание «аффективной лексике» (Расулова Д. [12;11]). Автор подчёркивает, что в узбекском языке нет строгого разграничения между «интересом» и «беспокойством» на уровне морфемы или приставки, в отличие от японского 気, которое обладает широкой полисемией с оттенками «мысль», «дух», «чувства», «рассудок» и т.д. [12;11]. Таким образом, совокупность исследований — от классических японских авторов до современных узбекских лингвистов — показывает важность комплексного анализа глагольных конструкций 気にする и 気になる.

МЕТОДОЛОГИЯ

В данном исследовании уделяется особое внимание сопоставительному анализу глагольных конструкций 気にする и 気になる в японском языке и их возможных эквивалентов в узбекском. Материалом для анализа послужили примеры из японских и узбекских литературных текстов, газетных статей, учебных пособий, а также авторитетных словарей и справочников, включая те, что рекомендованы Министерством высшего и среднего специального образования Узбекистана. Для получения дополнительных данных о реальном употреблении конструкций были проведены консультации с носителями японского языка, а также опрос среди студентов-японистов в ряде вузов Ташкента, что позволило уточнить частотность и контекстуальные особенности употребления данных глаголов.

Работа основывалась на принципах семантико-прагматического и функционально-сопоставительного анализа, при котором каждая конструкция изучалась с учётом её лексико-семантического окружения, коммуникативных условий и культурно-специфических факторов. В ходе исследования выявлялись основные значения и оттенки глаголов 気にする и 気になる, определялась степень их пересечения и различий в тех случаях, когда носители японского языка предпочитают употреблять одну из этих конструкций, а носители узбекского языка прибегают к эквивалентным (или приблизительно эквивалентным) глагольным формулам типа «*havotir olmoq*», «*qiziqmoq*», «*xavotirga tushmoq*» и т.д. Сравнительный подход предусматривал сопоставление семантики, прагматики и синтаксических особенностей: анализировались формы сочетания с существительными, лексической средой, морфологическими показателями времени, вида и наклонения. Для уточнения

частотных характеристик было проведено изучение доступных электронных корпусов японского языка, в частности текстовых баз крупных университетов Японии. При этом учитывались три типа контекстов: формальные тексты (новостные статьи, официальные документы), неформальные (посты в блогах, социальные сети) и художественная литература. Аналогичные три типовых блока были выбраны и для узбекского языка. Затем выявленные в двух языках примеры сортировались по категориям «интерес, любопытство», «беспокойство, волнение», «озабоченность, тревожность» и «личная вовлечённость». Такой подход позволил систематизировать наблюдения и выделить наиболее распространённые соответствия между конструкциями 気にする / 気になる и узбекскими глаголами.

Собранный материал классифицировался на основе разработанной модели семантического поля, предполагающей наличие центральных и периферийных зон значений. При этом центральными считались те случаи, где говорящий осознанно выражает своё отношение к объекту (например, тревогу, неудобство, подозрение), а периферийными — случаи, когда речь идёт о спонтанной реакции, возникающей без чёткой воли говорящего. Для объективизации данных были задействованы методы анкетирования и самооценки: респондентов просили переводить небольшие фразы с японского на узбекский и комментировать уместность тех или иных лексических вариантов. Обработка результатов включала статистический подсчёт наиболее часто выбираемых эквивалентов и их связь с контекстом. Таким образом, использованный комплексный научный подход, опирающийся на анализ письменных источников, корпусных данных, анкетирования и сопоставительной интерпретации, позволил выявить тонкие лексико-семантические различия и прагматические нюансы конструкций 気にする и 気になる, а также определить их функциональные аналоги в узбекском языке. Полученные данные в дальнейшем могут быть применены при составлении двуязычных словарей, учебных материалов и методических пособий для студентов-лингвистов и переводчиков, что повышает практическую ценность настоящего исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Глагольные конструкции японского языка 気にする и 気になる являются неотъемлемой частью повседневного и формального общения носителей японского языка, так как выражают широкий спектр оттенков эмоциональных состояний, вовлечённости, обеспокоенности и интереса. Ключевой особенностью этих конструкций выступает морфема 気 (ки), которая в

японской лингвокультуре носит комплексный характер, объединяя смыслы «дух», «энергия», «мысль», «эмоции» и «настроение». В узбекском языке, в противоположность японскому, зачастую нет чёткого разделения между «интересом» и «беспокойством» на уровне сугубо лексических или морфемных единиц, поэтому носителям узбекского языка трудно найти точный эквивалент японским конструкциям *気にする* и *気になる*. В ходе исследования было обнаружено, что, несмотря на приблизительные переводы вроде «xavotir olmoq», «qiziqmoq», «havotirga tushmoq», ни один из них не покрывает всю совокупность значений, передаваемых японскими конструкциями. Поэтому крайне важно учитывать контекст и коммуникативную ситуацию, чтобы адекватно отразить речевой акт в узбекском языке. Сопоставительный анализ позволил выявить ряд параметров, определяющих выбор соответствующих выражений на узбекском языке: сила эмоциональной вовлечённости, социальная дистанция между собеседниками, степень осознанности или произвольности эмоциональной реакции, а также стилистическая окрашенность речи.

Общая характеристика собранного материала.

Материал для исследования включал:

1. Примеры из художественной и публицистической литературы на японском и узбекском языках (всего 512 контекстов).
2. Фрагменты учебных пособий (220 примеров).
3. Анкетирование студентов-японистов и носителей японского языка (96 респондентов).
4. Электронные корпуса (около 200 текстов различной стилистической направленности).

Для наглядного представления основных результатов сопоставления в исследовании были составлены и проанализированы обобщённые таблицы. Ниже приведены некоторые из наиболее показательных.

Таблица 1. Сопоставление основных значений *気にする* и *気になる* с эквивалентами в узбекском языке

Глагольная конструкция	Пример (на японском)	Возможный узбекский перевод	Комментарий
気にする	そんなに気にしないでください。	“Buni bunchalik xavotir qilmang.” (“Не беспокойтесь так сильно.”)	Подразумевается осознанное, волевое беспокойство или переживание говорящего.
気になる	彼女はいつも人	“U doim odamlarning	Указывается активное внимание

Глагольная конструкция	Пример (на японском)	Возможный узбекский перевод	Комментарий
	の目を気にしている。	nazaridan xavotir oladi.” (“Она всегда переживает из-за чужого мнения.”)	к тому, что думают окружающие, с ноткой тревожности.
気になる	明日の天気が気になる。	“Ertangi ob-havo meni qiziqtirayapti (havotirga solyapti).”	Отенок как интереса (“qiziqtirayapti”), так и лёгкого беспокойства (“havotirga solyapti”) в зависимости от контекста.
気になる	最近、この問題がずっと気になっている。	“Oxirgi paytlarda bu muammo meni tinch qo‘ymayapti.”	Часто выражает спонтанное, произвольное беспокойство, но может иметь и смысл “не отпускает мысль”.

Примечание. Переводы на узбекский язык могут варьироваться в зависимости от конкретного контекста и стилистики высказывания.

Таблица 2. Частотность основных оттенков значений (в %) на основании анализа 512 контекстов

Категория значения	気にする (осознанное участие)	気になる (непроизвольная реакция)
«Беспокойство», «волнение»	55	35
«Интерес», «любопытство»	18	42
«Тревога о чужом мнении»	22	13
«Общее эмоциональное состояние»	5	10

Из данных таблицы видно, что конструкция **気にする** чаще употребляется при выражении осознанного беспокойства или волнения (55%), в то время как **気になる** нередко выражает скорее некий произвольный интерес или легкую тревогу (42% случаев). При этом встречаются ситуации, когда значение может «расплываться» между обеими конструкциями, и выбор зависит от степени контроля говорящего над эмоцией.

Основные результаты сопоставительного анализа

1. Полисемия морфемы **気**. Японские конструкции **気にする** и **気になる** не являются синонимами в полном смысле слова, поскольку различаются по степени волевого участия. Однако в узбекском языке перевод часто сводится к глаголам «xavotir olmoq», «havotirga tushmoq» (при выражении тревоги) или «qiziqmoq» (при выражении интереса), что не всегда отражает тонкие оттенки японского оригинала.

2. Культурно-прагматические факторы. В японском обществе выражение беспокойства может носить более социальный и ритуальный характер (учитывая важность «необременения собеседника»). В узбекском языке также имеются культурные нормы вежливости, однако они иначе структурированы и не напрямую соотносятся с морфемой «ки» (氣).

3. Перекрытие семантических полей. В ряде случаев различить, где уместно использовать 氣にする и где — 氣になる, даже для носителей японского языка оказывается непросто, поскольку эти конструкции могут взаимозаменяться при определённом контексте. В переводе на узбекский язык выбор конкретного глагола зачастую продиктован логикой высказывания и субъективной оценкой переводчика.

4. Необходимость контекстуального подхода. Одно и то же высказывание, содержащее 氣にする или 氣になる, может по-разному интерпретироваться в зависимости от интонации, стиля текста и социального статуса собеседника. Для узбекского языка подобная вариативность обычно достигается дополнительными пояснениями (выражения типа “bir oz xavotir olyarman”, “meni qiziqtirib qo‘ydi” и т. п.).

ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные в ходе исследования данные подтверждают результаты предыдущих работ, посвящённых сопоставительному анализу японского языка и языков, принадлежащих иным культурно-лингвистическим традициям (Судзуки Т. [1;59], Кондо М. [2;45], Накамура С. [4;147]). В частности, выявленные различия между конструкциями 氣にする и 氣になる согласуются с точкой зрения о том, что первая форма в большей степени отражает осознанное, волевое отношение говорящего к объекту или ситуации, тогда как вторая преимущественно указывает на спонтанное, неконтролируемое или слабоконтролируемое состояние. При этом сопоставление с узбекскими эквивалентами («xavotir olmoq», «havotirga tushmoq», «qiziqmoq») наглядно продемонстрировало, что в узбекском языке не существует столь же гибкой системы лексических или морфологических показателей для выражения разницы между «сознательным беспокойством» и «непроизвольной тревогой или интересом». Следовательно, переводчик или преподаватель сталкивается с необходимостью контекстуального подхода, при котором выбор узбекского глагола будет зависеть от коммуникативной ситуации и её подтекста. Подобная проблема интерпретации, по мнению Масловой В. [6;101] и Кобзевой И. [7;33], характерна для многих пар языков, где отсутствуют прямые соответствия «эмотивным» конструкциям. Кроме того, данные анкетирования студентов-

японистов демонстрируют, что даже при наличии формальной теоретической информации о разнице между **氣にする** и **氣になる**, в практике перевода и живого общения студенты могут путать эти конструкции. Это свидетельствует о сложности их усвоения и необходимости дополнительных учебных материалов (с упражнениями на дифференциацию) для закрепления навыков точного употребления. С учётом выводов Ходжаевой М. [11;52], подобные материалы следует дополнить примерами из живой речи, а также пояснениями, касающимися культурного аспекта японского общества. Важно подчеркнуть, что результаты исследования имеют не только лингвистическое, но и **межкультурное** значение. В японском дискурсе социально приемлемая форма выражения своих чувств, интереса или беспокойства зачастую связана с культурной нормой «не обременять собеседника». В узбекской речевой культуре также соблюдается уважительная дистанция, но достигается она несколькими иными средствами — например, формулами вежливости, специфическими обращениями, использованием различных форм глагола в зависимости от статуса собеседника. Понимание этих нюансов помогает избежать коммуникативных недоразумений и более точно интерпретировать намерения говорящего.

Таким образом, представленное исследование указывает на многоаспектность проблемы перевода и преподавания японских конструкций с морфемой **氣** (ки). Хотя в предыдущих работах (Морев А. [8;59], Самойлов Д. [9;90]) уже обсуждались трудности передачи японских «эмотивных» выражений на русский язык, анализ узбекского материала позволил в ещё большей степени выявить нюансы семантического и прагматического расхождения. Поскольку узбекский язык опирается на иные культурно-лингвистические категории, точный подбор эквивалентов требует систематизации, в том числе разработки специальных учебно-методических пособий. Сопоставительные таблицы, представленные в разделе с результатами, подтверждают, что далеко не все значения и оттенки **氣にする** и **氣になる** могут быть выражены одной-двумя узбекскими глагольными формами. В ряде случаев уместна комбинация лексических единиц («bir oz havotirlanmoq, qiziqib qoldim, tinch qo‘utayapti» и т.д.), которые в совокупности воспроизводят полноценную семантическую и прагматическую картину оригинала. Дальнейшая углублённая работа в данном направлении могла бы способствовать более детальному описанию «гибридных» переводческих решений и созданию многоуровневой типологии эквивалентов для различных групп контекстов. Таким образом, исследование даёт основания полагать, что

для эффективного овладения и точной передачи смысловых оттенков глагольных конструкций **氣にする / 氣になる** в узбекском языке необходимо учитывать следующие факторы: лингвокультурный контекст, степень осознанности и глубины эмоционального опыта говорящего, а также социально-прагматические нормы обоих языков. Подобный междисциплинарный подход, включающий когнитивную лингвистику, теорию перевода и культурологию, представляется наиболее перспективным направлением дальнейших исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволило выявить ключевые семантико-прагматические особенности японских глагольных конструкций **氣にする** и **氣になる**, а также определить специфику их функционирования в межъязыковом и межкультурном аспекте на фоне узбекского языка. Было установлено, что данные конструкции отражают не только различные эмоциональные состояния — от беспокойства и тревоги до интереса и озабоченности, — но и глубоко укоренены в социальной и культурной структуре японского общения. Сравнительный анализ показал, что в узбекском языке отсутствует прямая грамматическая или лексическая аналогия японским выражениям с компонентом **氣**. Такие узбекские глаголы, как «xavotir olmoq», «havotirga tushmoq», «qiziqmoq», выступают лишь частичными функциональными эквивалентами, отражая отдельные аспекты значений, заложенных в оригинале. Более того, узбекская лингвоментальность опирается на иные модели выражения внутреннего состояния и эмоциональной реакции, что требует контекстуальной адаптации при переводе и преподавании японского языка.

В ходе анализа были определены следующие основные выводы:

1. Конструкция **氣にする** преимущественно выражает осознанную, волевою форму беспокойства или внимания, тогда как **氣になる** — произвольное, спонтанное состояние заинтересованности или тревожности.

2. Узбекские аналоги демонстрируют тенденцию к смысловому сближению, но не обладают достаточной гибкостью для охвата всей семантической палитры японских форм.

3. Стилистическая и культурная нагрузка японских выражений (включая элементы вежливости, эмоционального самоконтроля, социальной дистанции) требует обязательного учёта при их передаче в узбекской речи.

4. Проблемы перевода японских конструкций с 気 требуют не только лексической, но и прагматической интерпретации, ориентированной на ситуацию, участников общения и интенцию говорящего.

Полученные результаты могут быть полезны в следующих направлениях:

→ при составлении японско-узбекских словарей, особенно специализированных — эмоционально-оценочной лексики;

→ при разработке методических пособий по преподаванию японского языка в узбекской аудитории;

→ в практике перевода художественных, публицистических и устных текстов, где важна точность передачи эмоционального состояния персонажей или автора;

→ в межкультурной коммуникации, где требуется точная интерпретация и адаптация высказываний для обеих сторон.

В заключение следует подчеркнуть, что изучение конструкций 気にする и 気になる представляет собой важное направление для лингвистов, переводчиков и преподавателей восточных языков. Учитывая быстро растущий интерес к японскому языку в Узбекистане, дальнейшие исследования в этой области представляют большую научную и практическую ценность. Перспективными являются также расширенные сопоставительные исследования, включающие и другие постпозиционные глагольные конструкции с компонентом 気 (например, 気がする, 気をつける), а также включение элементов корпусной лингвистики и экспериментальных методик.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Судзуки, Т. (2019). *Семантика и прагматика японских глаголов с морфемой 気*. Токио: Bunka Press.
2. Кондо, М. (2018). *Японская система глагольных конструкций с элементом 気*. Осака: Nihon Gakuin.
3. Юаса, К. (2017). *Культурная специфика выражения эмоций в японском языке*. Киото: Gakugei University Publishing.
4. Накамура, С. (2020). *Перевод японских эмотивных конструкций: теория и практика*. Токио: JLC Publications.
5. Lian, J. (2020). *Cognitive and Pragmatic Features of Japanese Verbs*. New York: Routledge.
6. Маслова, В. А. (2016). *Сопоставительная семантика: теория и практика*. Москва: Наука.

7. Кобзева, И. Л. (2019). Лексико-семантические трудности перевода японских глагольных конструкций. *Вестник востоковедения*, (2), 30–45.
8. Морев, А. И. (2018). *Межкультурная коммуникация Японии и России: лингвопрагматические аспекты*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
9. Самойлов, Д. С. (2021). Коммуникативные барьеры при передаче японских глаголов чувства. *Вопросы языкознания*, (3), 85–94.
10. Назаров, Н. (2019). *Yapon tilidagi fe'l konstruktsiyalarining o'zbek tili bilan qiyosiy tahlili*. Toshkent: Mumtoz so'z.
11. Ходжаева, М. (2021). *Yapon tilini o'qitishda madaniyatlararo pragmatika va tarjima muammolari*. Toshkent: Sharqshunoslik nashriyoti.
12. Rasulova, D. (2022). Emotional semantics in Uzbek and Japanese: a contrastive perspective. *O'zbek tili va adabiyoti*, (2), 10–20.
13. Sharipov, B. (2020). *Qiyosiy tilshunoslik asoslari: nazariya va amaliyot*. Samarqand: Ilm ziyo.
14. Gonda, Y. (2015). *Aspects of Japanese Verb Semantics in Cultural Contexts*. Kyoto: International Linguistics Series.
15. Nishimura, Y. (2017). *Politeness and Emotion in Japanese Communication*. Tokyo: Japan Language Society.